

УДК 82.09:39
ББК 83.3(0)
Х-98

Хут Марина Руслановна, соискатель кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: marina.r.hut@yandex.ru

**ЭКСПЛИКАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭТНОСА
В ТЕКСТЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**
(рецензирована)

Рассматривается способ синкретизма ментальных единиц в языковом сознании билингвальной языковой личности. Показан процесс интеркультурной коммуникации в художественной «ткани» текста. Отмечается, что текст писателя-билингва отражает традиции, национальные особенности языкового сознания в адыгской и русской лингвокультуре.

Ключевые слова: *экспликация, билингвема, билингвальная языковая личность, этнос, языковое сознание, этноментальность, текст, интеркоммуникация, метаязык, лингвокультура.*

Khut Marina Ruslanovna, competitor of the Department of General Linguistics of Adyghe State University, e-mail: marina.r.hut@yandex.ru

**EXPLICATION OF ETHNIC MENTAL CHARACTERISTICS
IN A TEXT OF A BILINGUAL PERSON**
(reviewed)

The way of syncretism of mental units in the linguistic consciousness of a bilingual person has been considered. The process of intercultural communication in an art “fabric” of the text has been highlighted. It’s been noted that the text of a bilingual writer reflects traditions and national peculiarities of linguistic consciousness in the Adyghe and Russian linguistic culture.

Keywords: *explication, bilinguem, bilingual linguistic identity, ethnicity, language consciousness, ethnic mentality, text, intercommunication, metalanguage, linguistic culture.*

В антропологистике начала 21 века «языковая личность» рассматривается с психолингвистических, этнолингвистических, лингвокультурологических аспектов. Термин впервые употребил В.В. Виноградов в 1930 году. Четкая дефиниция понятия дана Г.И. Богиним: «языковая личность» – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1]. Термин «языковая личность» проник во все аспекты изучения языка и культуры. Ю.Н. Караулов расширил определение понятия, связав его с анализом текста. Под «языковой личностью» он понимает совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности. в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [2].

Ю.Н. Караулов представляет структуру «языковой личности», состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя традиционное описание формальных средств

выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Рассматриваемые уровни обеспечивают в анализе «языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой деятельности в триаде язык – мышление – культура [2].

В исследуемом аспекте нас интересует когнитивно-лингвокультурный компонент, то есть уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов билингвального текста, связанных с правилами вербального и невербального поведения, которые способствуют формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по интеркультурной коммуникации.

В отношении вводимого термина «билингвальная языковая личность» в адыгском языковом пространстве, мы придерживаемся точки зрения Б. Дадье, который не разделяет мнения о существовании «метаязыка»: «... Двужызычный писатель не прибегает к переводу: язык произведения рождается где-то в глубине его сознания... Универсального метаязыка, в строгом смысле слова, не существует. Такой метаязык образуется постепенно, он есть точка взаимодействия и конфликтов, вызванных ситуацией двуязычия, а, следовательно, и наш писатель представляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое. Он избрал чужой язык, но это ставит его в известной мере в положение вне избранного языка, что позволяет ему увидеть этот язык новым, сторонним взглядом». Кроме того, «он находит источник обогащения языка и расширения своего понятийного багажа» [3]. Таким образом, это способ отражения объективной действительности, параллельное или попеременное использование двух языковых систем в художественном тексте билингвальной языковой личности. Вслед за С.Г. Николаевым, который утверждает, что «любую манифестацию <...> в тексте и, шире творчестве конкретного автора было бы логично называть билингвемой. Данный терминоконцепт вводится в научный оборот впервые для обозначения минимальной внеуровневой единицы выражения, чье присутствие делает художественную речь двуязычной» [4]. Мы предпринимаем попытку расширения «диапазона» функционирования термина и отмечаем, что в двуязычном художественном тексте «билингвема» может содержать в себе «билингвальные лексемы», «билингвальные культуремы» и «билингвальные мифологемы», семантическая наполненность которых способна репрезентировать языковую личность адыгского языкового пространства. Как отмечает Х.З. Багириков «спроецировав «билингвему», которая может содержать в себе «билингвальные лексемы», «билингвальные культуремы» и «билингвальные мифологемы», на особо значимые участки картины мира («Человек и его мир», «Природа» и т.д.), можно с уверенностью сказать, что в речевой структуре текста имеются единицы, передающие национально значимую адыгскую фоновую информацию» [5]. Представленный эмпирический материал подтверждает нашу гипотезу.

Извлекается языковой материал из художественных текстов писателей-билингвов адыгского языкового пространства Т. Керашева, Ю. Чуяко, А.А. Хагурова. Рассмотрим некоторые примеры.

Экспликация фоновой информации в «билингвеме» проявляется на уровне

«билингвальной лексемы». В русском языковом пространстве отсутствует референт, представленный в адыгской лингвокультуре. В лексической системе русского языка отсутствует слово, значение которого эквивалентно значению адыгской лексемы, соответственно. В данной ситуации билингвальная языковая личность использует единицы, которые характеризуют билингвальную языковую личность: <...> *адыги старательно и искусно выхаживали коней, добивались от них такой же неукротимости. Знатоки утверждают, что чем дальше и утомительнее путь, тем горячее становится чистокровный адыгский конь – шагди. И еще говорят, что шагди, проскакав наметом множество перегонов, которые от крика до крика, лишь глубоко вздохнет раз другой и вновь бойко зашагает, отфыркиваясь, яростно грызя удила <...>* (Т. Керашев, «Одинокий всадник»). В художественном тексте «Дочь шапсугов» Т. Керашев характеризует данную породу адыгской лошади: «<...> свиная спина и свиной постав ног... Круп и холка на одном уровне; грудь и плечи, как у зубра, – мощные; ноздри хороши... Глаза! Валлахи, таких глаз не бывает у слабого коня!... – «Конь длинноват, но, несмотря на это, очень подвижен, с места срывается, как перышко, и в беге легок едва касается земли <...>» [Т. Керашев, «Дочь шапсуга»] – «<...> *ЫтхыццIэ кьотхыццIэ шыкI, ильэкьо гьэуцукIэхэри кьо гьэуцукI... ЫпхэкIи ыблашъхьы зэныбжъ; ыбгъэ-ыблыгу зэхэльыкIэ домбаим фэд-кIочIэшху; ытэбзыджынхэри дэгъух, быхъоу зэлэкIых... Ынэхэр! Олахъэ шы фэмыфым ац фэдэ нэхэр имыIэцт!... Шыр тIэкIу кIыхъау, ау ац емыпэсыгъэу псынкIэ, цы шыабэу жьым зэрхьэрэм фэдэу зегъазэ; ичьи псынкIэ-чIыгум лъэлэс-лъэмылэсэу мачъэ <...>*» (КIэрэшэ Т. Шапсыгъэ пшъашъ). *Шагди* – порода адыгской лошади, которая органически связана с языковым сознанием адыгов и создает образы, наделенные мощным коннотативным зарядом. Благодаря контрасту значений фрагментов текста «билингвальная лексема» приобретает статус особого языкового знака в тексте билингвальной языковой личности. Слово *шагди* имеет следующее, зафиксированное толковыми словарями адыгского языка значение: *шагъдий* – 1. Элита кабардинских чистокровных лошадей / *Адыгэишхэм флагъкIэ къахтэпэжъыкIыу фIым я фIыжхэм яцыщ*. 2. Хорошая, быстрая лошадь / *фIагъ ин зиIэ шы* [Кабардино-черкесский словарь, с. 755].

В тексте Т. Керашева «билингвальная мифологема» «нарты» является безэквивалентной, так как русская лингвокультура не знала аналогичного языкового знака: <...> Дедушка говорит уверенно, будто видел Нартов <...> – «<...> *Нартхэр ылъэгъугъэм фэдэу теубытагъэ хэльэу тэтэжъ къело <...>*» (Т. Керашев, «Шапсыгъэ пшъашъ»). В адыгском языковом пространстве эта «билингвальная мифологема» имеет следующее значение: 1. Нарт миф. нарт; 2. Богатырь, витязь (в адыгских народных преданиях) // нартский/луэрылуатэм кызырэхэщымкIэ, ижъкIэ шыла адыгэ лIыхъужъ лъэпкъ [Кабардино-черкесский словарь, с. 527].

Фоновая информация в «билингвеме» проявляется на уровне «билингвальной лексемы», освоенной русским языком. Так, «билингвальная лексема» *джигит*, функционирующая в «билингвеме» имеет следующее, зафиксированное толковыми словарями русского языка, значение: «искусный и отважный наездник (первоначально у кавказских горцев)». Однако в текстах билингвальной языковой личности реализуется и другое значение данной «билингвальной лексемы», передающее специфическую фоновую информацию, характерную для адыгской лингвокультуры. «Билингвальная лексема»: <...> *шыу еIэбэх <...>* – «<...> джигитовка <...>» актуализируется в следующем контексте: После стрельбы начались игры всадников. Джигитовка, выступления в седле, состязания всадников, битва лошадей – было показано много игр – *«Псэгъэоным ыуж шыу джэгухэр кырагъэжъагъ. Шыу еIэбэхи, онэгум зыкыщашIыни, шыу лIы зэбэни, шыбгъэ зэзауи –*

джэгуклэ къэшлыкӀэ зэмылӀэужыгъоу къагъэлъэгъуагъэр бэ» (Т. Керашев, «Одинокий всадник»). Джигитовка (от тюрк. джигит – искусный и отважный всадник) – вид конного спорта, скачка на лошади резвым галопом, во время которой всадник на полном ходу соскакивает с лошади и вскакивает на нее, поднимает предметы с земли, висит на боку или под брюхом лошади, исполняет акробатические номера, стреляет в цель и т.п. При джигитовке всадник демонстрирует смелость, ловкость, силу и искусство управления лошадью [Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, с. 204].

Рассмотрим художественные тексты, где фоновая информация основана на национальных пресуппозициях, оживающих в антропологическом тексте билингвальной языковой личности. При этом средством передачи картинной национально маркированной идентичности этноса может выступать собственно русское слово. Так, в художественных текстах Т. Керашев, Ч. Онер, Ю. Чуяко активно употребляют «билингвальную лексему» **горы**, функционирующую в «билингвеме», которая приобретает целый ряд семантических приращений, способствующих созданию национального по содержанию образа. Специфика проявляется, прежде всего, в выборе основания для контактных метафор, находящихся в ближайшем контекстном окружении. «Билингвема» *любить горы можно по-разному* употребляется в составе высказываний. В художественном языковом пространстве Т. Керашева пейзаж *гор* разнообразен, но главное, что он *суров* и сразу ориентирует нас на антропологическое восприятие судьбы: *«Остановившись, чтобы набить трубку табаком, он проговорил:*

- Полюбить горы, полюбить по-настоящему, заставил меня Каймет.

- В горах всем нравится – заметил я.

- Нравится и любить – не одно и то же, - возразил Василь. – Да и любить горы можно по-разному (Т. Керашев, «Абрек»).

В художественном тексте рассказ Василя о Каймете связан «билингвальной лексемой» *горы (с горами)*: *«Я говорю о такой любви, когда человеку в горах отрадно, как дома, когда он не испытывает страха перед ними и, оказавшись в горах, не чувствует себя одиноким. Тосковать по горам, вдалеке от них – вот это я называю любить горы по-настоящему. Так любят горы только горцы. А привыкнуть к го-рам – нелегкая штука. Горы ласковы к смелым и сильным, безжалостны к слабым и беспечным. Вот таким бесстрашным горцем был Каймет, - добавил Василь, когда мы тронулись дальше»* (Т. Керашев, «Абрек»). В тексте билингвальной языковой личности для обозначения субъективной оценки, степени интенсивности признака используются модальные слова, которые привносят в текст дополнительные значения ирреальности, вопросительности, утвердительности, сомнения или уверенности. Билингвальная языковая личность говорит о том, что *горы* олицетворяют людей, подчеркивая их главное качество, – они *ласковы, добры* к сильным, мужественным людям, *безжалостны к слабым* и т.д. Культурно-фоновая информация, на основе которой возникает ассоциативный образ адыгской земли, эксплицируется на «билингвальную лексему» *горы*. Т. Керашев наделяет *горы живой мыслящей жизнью*. Тексты билингвальной языковой личности, входящие в контекстное окружение, охватывают участки «билингвем» «Человек и его мир», «Природа» и т.д. Сравнение человека с *горами* – один из приемов антропологической характеристики в адыгской лингвокультуре. Образ *гор (Кавказские горы)* относится к «билингвальным лексемам» в текстах адыгского языкового пространства.

Оппозиция *адыгский всадник* и *горы* (на фоне гор) прослеживается в текстах романа Т. Керашева: *«И вдруг раздалась песня. Это пел Каймет. Песню пел человек – его нельзя было спутать ни с ветром, ни с горными обвалами. Каймет, забыв все на свете, с вдохновенной одержимостью отдавался песне. Ушедшие поколения оживают в своих творениях, и в песне слышались отголоски жизни борьбы адыгского народа. В напеве*

Каймета Василию чудился яростный клич, зовущий к борьбе <...> Это – борьба» (Т. Керашев, «Одинокий всадник»). Используя пейзаж *гор* и *адыгского всадника*, писатель-билингв показывает *отголоски борьбы* в адыгском языковом сознании, что нет жизни без этих *гор*.

В художественных текстах Т. Керашева «Дочь шапсугов» Биболет испытывает грусть и озабоченность от картины безрадостной степи: «Все так же бедна родная степь, как и десятки лет назад. Разбросанными, редкими ломтями чернеет пашня. Бурьян и колючки одолевают землю. Темнеют сухие заросли подсолнуха, не убранного с прошлого года, жутко отбрасывая длинную вечернюю тень» (Т. Керашев, «Дочь шапсугов»). Степь у автора не объект описания, а действующее лицо. Т. Керашев описывает гидроним Кубань и ее берега, красоту родной земли, «билингвемой»: «прямая, блестящая на солнце стрела <...>, натянув тетеву-излучину Кубани, – застыла, нацеленная на море» (Т. Керашев, «Дочь шапсугов»). Билингвальная языковая личность в тексте обожествляет природу. Ерстэм («Одинокий всадник») обращается к Мазитху – Богу леса, что отразилось в «билингвальной мифологеме»: Он приподнялся и, став как на молитву, держа в руках клочок медвежьей шкуры, вознес мольбу: «О Мазитх! Прошу облегчить мой путь, уберечь от дурных людей и злых зверей! Помоги мне одолеть врагов!» (Т. Керашев, «Одинокий всадник»). В художественных текстах Ю. Чуяко, также обожествляет природу, что выражается «билингвальной мифологемой»: <...> Мазитха – бога охоты за меткий выстрел, никогда его не забывали – Мэзытхъэри – шэкЮным итхъ ары зигугъу къэсшЫщтыр – зыщагъэгъупшэу къыхэкЫщтгъэп зыпарэкИи <...> (Цуекъо Ю., «ГъучЫ Тыгъужьым итаурыхъ»). В адыгском языковом пространстве название Мэзытхъэ образовано на общеадыгской почве из двух корней: мэзы «лес» + тхъэ «бог», что значит «бог леса (лесов)», но первоначальная функция, заложенная в строении слова, расширилась: Мэзытхъэ является также покровителем охоты. Существуют разные мнения по вопросу о том, какого пола Мазитхэ. Мэзытхъэ – богиня охоты; Мэзытхъэ – «богиня лесов»; а «в позднейших суевериях – бог мужского рода, леший»; оно (божество Мэзитха) является носителем то женских, то мужских черт. Мэзитха относили к главнейшим языческим божествам черкесов. Черкесы «молили божество это, располагавшее, по их мнению, судьбою зверей.... В первых поверьях божество это изображалось едущим на златощетинистой свинье, и при его появлении олени сходились на лугах, и там какие-то девы их доили». «<...> Мэзитху поручено богом смотреть за дичью. Он стережет дичь, он и даёт ее. Без разрешения Мэзитха охотник ничего не убьет; может убить только то животное, которое Мэзитх назначает ему». «Нельзя было стрелять в дичь и животных белого цвета, так как сам Мэзитха представляется «белотелым и белокурым», убийство белого животного было бы равносильно убийству Мэзитха». Поэтому перед охотой люди приходили к «священным» деревьям и просили Мэзитха выделить им зверей из своего стада. При этом они произносили специальный хох (здравицу) в честь бога охоты и леса.

В художественных текстах адыгского языкового пространства Ю. Чуяко функционируют и другие «билингвальные мифологемы»: ...Наши приходили сюда встарь, чтобы поблагодарить Чиггуаше – богиню лесов за все те плоды, которыми она угощала в лесу...(Ю. Чуяко, «Сказание о железном волке») – <...> Чъыггуашэм – мэзым итхъэ имэфэкІ къызыкІэ – цІэгъо – цІашъоу ар къэсшІэжы къодый чылэмэ адэсмэ дунаир афэхъужьыщтыгъэп (Цуекъо Ю., «ГъучЫ Тыгъужьым итаурыхъ»). В адыгском языковом пространстве «билингвальная мифологема» Чиггуаше (по адыгски – чъыг гуаше) – богиня деревьев фигурирует в немногочисленных повествованиях. Но в них эта богиня представлена весьма величественной и прекрасной. В образе Чиггуаше отразился существовавший в адыгской лингвокультуре – культ дерева, который был порожден значительной ролью леса в

экономике и хозяйственной деятельности. «Священные» деревья служили местом для устройства молений со всевозможными просьбами (удачи в набеге, исцелений от болезней и т. п.) «<...> Тхагаледж! (Бог земледелия), – громко сказал Хаджекыз, и голос его прозвучал в тишине неожиданно горько...» – «<...> О, Тхьэгэлыдж льяп! – ы!уи ик!эрык!эу тэтэжьэу Хьджэкьызэ кьы!ушык!ыгъ, ыпэрэм фэдэ кьабзэу ымакьэ джыри Итыгъэ <...>» (Ю. Чуюко, «Гъучы Тыгъужьым итаурыхъ»). В адыгском языковом сознании Тхагаледж – бог плодородия, урожая. Тхагаледж был одним из самых почитаемых божеств адыгского пантеона. А.Т. Шартанов отмечает, что «все формы обрядности, связанные с выращиванием хлеба, начиная с проведения первой борозды и кончая поеданием сакральных лепешек из зерна нового урожая, непременно сопровождалась восхвалением Тхагаледжа в одических хохах с благодарственным и милостивительным обращением» [6].

В текстах адыгского языкового пространства А.А. Хагурова, Ю. Чуюко функционируют «билингвальные мифологемы» Псыхьогуаше, Къольбаст: «Когда вода войдет в берега, когда станет совсем тепло, мужчины (женщинам этого не дано) будут часто видеть Женщину Воды – Къольбаст. Она расчесывает особым гребнем – синтракь – свои длинные, до земли волосы. Красота ее лица пугает. Если она обернется, нельзя смотреть ей в лицо <...>» (А. Хагуров, «Жизнь коротка, как журавлиный крик»); «<...> Ждет Псыхьогуашэ (Богиня рек) <...>» – <...> Псыхьогуашэ кьызысыщтым ежэ <...> (Ю. Чуюко «Гъучы Тыгъужьым итаурыхъ»). Псыхогуаше (Псыхьо Гуаше) – речная богиня, известные в адыгском языковом пространстве божества водной стихии являются представителями женского пола. Поверье о Псыхогуаше было порождено большой ролью воды в жизни человека и опасностями, связанными с добычей рыбы в реках и морях. Адыги представляли их себе в виде красивых женщин, расчесывающих волосы в полуденный зной на берегу реки или моря. А.Т. Шартанов считает, что «Псегуаш <...> есть не что иное, как Псыхьогуаше, – ее образ воплощается в обряде «Ханце – гуаше», к которому прибегают адыги во время засухи». По справедливому замечанию А.Т. Шартанова, обливание друг друга водой «не забава, а один из важных моментов аграрного культа вызывания дождя» [6].

Таким образом, национально значимая культурно-фоночная информация в текстах адыгского языкового пространства закреплена за отдельными языковыми сигналами. Имплицитно представленная культурно-фоночная информация требует анализа глубинного смысла художественного текста билингвальной языковой личности, так как она выполняет функцию диалога адыгской и русской лингвокультур.

Литература:

1. Багировов Х.З. Реализация когнитивных механизмов в билингвальном художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп. Вып. 1(96). 2012. С. 188-193.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. С. 1.
3. Дадье Б. Люди между двумя языками // Иностранная литература. 1968. №4. С. 198.
4. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 5.
5. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: монография. Ростов н/Д., 2006. С. 61.
6. Шартанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. 68 с.

Словари и справочники:

7. Джигитовка // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 8 / гл. ред. А.М.

Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 204.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во рус. яз., 1995. 749 с.

9. Словарь кабардино-черкесского языка: ок. 31000 сл. / Ин-т гуманитар. исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. М.: Дигора, 1999. 860 с.

Литературные источники:

10. Керашев Т.М. Абадзехский охотник: новелла // Избранное. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1997. С. 505-529.

11. Керашев Т. Абрек: повести. М.: Сов. Россия, 1969. 222 с.

12. Керашев Т.М. Дочь шапсугов: по мотивам адыг. народ. новеллы. Майкоп: Адыгнациздат, 1951. 101 с.

13. Керашев Т.М. Одинокий всадник: роман. Майкоп: Адыг. отд-ние Краснодар. кн. изд-ва, 1977. 296 с.

14. Хагуров А.А. Жизнь коротка, как журавлиный крик. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2011. 520 с.

15. Чуюко Ю. Сказание о Железном Волке: роман / пер. с адыг. Г. Немченко. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1993. 384 с.

16. КІэрэщэ Т. Шапсыгъэ пшъашъ: лыгъэ новеллэхэр. Мыекъуапэ, 1972. Н. 215-320.

17. Цуекъо Ю. Гъучлы Тыгъужъым штаурыхъ: едзыгъуитІу хъурэ роман. Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзапІ, 2000. 636 н.

References:

1. Bagirokov H.Z. *Implementation of cognitive mechanisms in bilingual literary text // Bulletin of Adyghe State University. Series "Philology and Art Criticism". Maikop . Iss. 1 (96). 2012 . P. 188-193.*

2. Bogin G.I. *Model of linguistic identity in its relation to the varieties of text: abstr. of dis.... Dr. of Philology. L., 1984. P. 1.*

3. Dadje B. *People between two languages // Foreign Literature. 1968. №4. P. 198.*

4. Karaulov Y.N. *Russian linguistic identity and objectives of its study // Language and identity. M., 1989. P. 5.*

5. Nikolaev S.G. *Phenomenology of bilingualism in the works of Russian poets: monograph. Rostov n / D., 2006. P. 61.*

6. Shartanov A.T. *Circassian mythology. Nalchik, 1982. 68 p.*

Dictionaries:

7. *Trick riding // The Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol. V. 8 / Ed. A.M. Prokhorov. M.: Soviet Encyclopedia, 1973. P. 204.*

8. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Dictionary of Russian language. M.: Publishing house of the Russ. lang., 1995. 749 p.*

9. *Dictionary of the Kabardin-Circassian language: approx. 31000 w. / Institute of humanities of the Kabardin -Balkar Scientific Centre of RAS. M.: Digora, 1999. 860 p.*

Literary sources:

10. *Kerashev T.M. The Abadzekh hunter: a short story // Favorites. Maikop: Adygh Rep. Publishing House, 1997. P. 505-529.*

11. *Kerashev T.M. Abrek: novellas. M.: Sov. Russia, 1969. 222 p.*

12. *Kerashev T.M. Daughter of the Shapsugs: based on the Adyghean novella. Maikop:*

Adygnatizdat, 1951. 101 p.

13. *Kerashev T.M. Lone Rider: a novel. Maikop: Adygh. branch of Krasnodar publishing house, 1977. 296 p.*

14. *Khagurov A.A. Life is short, like a cry of cranes. Krasnodar: KubSAU Press, 2011. 520 p.*

15. *Chuyako Y. Legend of the Iron Wolf: a novel / transl. from Adygh. by G. Nemchenko . Maikop: Adyghean publishing house, 1993. 384 p.*

16. *Kerashev T.M. Daughter of the Shapsugs: novella. Maikop, 1972. P. 215-320.*

17. *Chuyako Y. Legend of the Iron Wolf: a novel in 2 vol. Maikop: Adyghean publishing house, 2000. 636 p.*